

The background of the entire image is a dense, intricate pattern of swirling, flame-like or leaf-like shapes in various shades of red, from deep maroon to bright, almost white-red highlights. The pattern is highly detailed and fills the entire frame.

Песок и Пепел: Клятва Раба

RemVoVo

Песок и Пепел: Клятва Раба

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72112762

SelfPub; 2025

Аннотация

Попавший в параллельный мир Алексей оказывается рабом в мрачной империи Астраэль. Столкнувшись с грязью, болью и несправедливостью, он стремится выжить любой ценой. Через хитрость, жестокость и интриги он поднимается вверх, завоевывая доверие хозяина поместья и привлекая внимание холодной красавицы Элины. Однако каждый шаг приближает его к опасным открытиям и страшным выборам между властью, любовью и собственной душой.

Содержание

Глава 1: Провал в Бездну	4
Глава 2: Ярмо Даркелей	12
Глава 3: Грязь Подножия	22
Глава 4: Случайная Опора	32
Конец ознакомительного фрагмента.	39

RemVoVo

Песок и Пепел: Клятва Раба

Глава 1: Провал в Бездну

Лёха ненавидел понедельники. Особенно этот. Дождь со снегом хлестал по грязным окнам автобуса, превращая утренний Питер в серо-бурую хмарь. Кондукторша с лицом, как у замученной таксы, орала на старушку, не успевшую пробить билет. Вонь пота, дешевого одеколona и мокрой псины. Лёха прижался лбом к холодному стеклу, глядя на мелькающие огни рекламы. «Еще один день. Еще одна неделя. Еще одна жизнь в этой помойке...» Мысль оборвалась. Мир взорвался.

Не звуком. Светом. Ослепительно-зеленым, рвущим сетчатку, заполняющим все. Лёху швырнуло с сиденья, но он не ударился о пол. Его вырвало из автобуса, из города, из самой реальности. Он летел, вертелся в вихре невысказанных цветов и форм. Кости хрустели, пытаясь разлететься на молекулы, кожа горела. Он хотел закричать, но в легких не было воздуха, только огонь. Сознание угасало под напором хаоса. Последнее ощущение – ледяные щупальца, обвивающие душу

и тащащие в бездну.

Пробуждение было медленным, мучительным, как подъем со дна смоляной ямы. Сознание возвращалось обрывками. Холод. Леденящий, проникающий в кости сырой холод. Грязь. Липкая, вонючая, обволакивающая все тело. И боль. Голова раскалывалась, ребра ныли, каждая мышца кричала от перенапряжения.

Лёха открыл глаза. Мрак. Не городская тьма, а густая, почти осязаемая, наполненная запахами прелого тлена, экскрементов и чего-то металлического, как кровь. Он лежал лицом вниз в холодной жиже. Попытался пошевелиться – что-то тяжелое и холодное сковывало запястья и щиколотки. Цепи. Толстые, грубые, натершие кожу до крови.

«Где я? Что случилось?» Паника, острая и дикая, сжала горло. Он замотал головой, пытаясь стряхнуть остатки кошмара. Глаза медленно привыкали. Он был не один. Вокруг, в полумраке, виднелись другие фигуры, скрюченные, закованные, лежащие или сидящие в грязи. Люди. Но какие-то... изможденные, серые, с пустыми глазами. Как стадо обезумевшего скота в грязном загоне.

Язык... Он попытался что-то сказать, спросить, но издал лишь хрип. И тут осознал странное: шум вокруг – хрипы, стоны, лязг цепей, грубые окрики – он понимал. Каждое слово, каждую ругань. Как будто язык был всегда в его голове.

«Проснулся, мразь?» Грубый удар сапогом в бок выбил воздух. Лёха закашлялся, захлебываясь грязью. Над ним сто-

ял человек в грубых кожаных доспехах, с толстой дубиной на поясе и плетью в руке. Лицо обезображено шрамом, глаза – свиные, жестокие. Надсмотрщик. «Подъем! Скоро рынок! Не заставляй меня тебя расталкивать!»

Рынок. Рабы. Цепи. Лёху стошнило. Желчь и остатки вчерашнего ужина смешались с грязью. Это не сон. Это ад. Настоящий, вонючий, холодный ад.

Его подняли, грубо дергая за цепи. Он шатался, ноги не слушались. Вывели из темного сарая или подвала на свет. Слепящий, но холодный свет двух мутных солнц на свинцовом небе. Он впервые увидел мир, в который попал.

Грязь. Она была везде. Улица, больше похожая на колею от телег, наполненную зловонной жижей. Площадь, окруженная убогими, покосившимися зданиями из темного камня и гнилого дерева. И люди. Толпы. Но не городская суета. Здесь царила атмосфера отчаяния и жестокости. Крестьяне в рванье с пустыми глазами. Торговцы, кричащие хриплыми голосами над жалкими развалами гнилых овощей и тухлого мяса. И рабы. Десятки, сотни рабов. На шеях – железные ошейники, на руках и ногах – цепи. Их гнали кнутами, как скот. Некоторые были изуродованы – без глаз, с клеймами на лицах, с культями вместо рук. Один старик, споткнувшись, упал в грязь. Надсмотрщик не стал его поднимать – просто ударил дубиной по голове. Хруст кости был отчетливо слышен даже в общем гаме. Тело старика дернулось и затихло. Его просто отволокли за ноги к краю площади и бросили в

зловонную канаву. Никто не обратил внимания.

Лёху охватил леденящий ужас. Это не кино. Не игра. Здесь смерть была обыденностью, а человек в цепях – не больше, чем говорящая скотина.

Его втолкнули в ряд с другими «товаром». Стоял он, дрожа от холода, страха и ярости, чувствуя, как грязь засыхает на коже коркой. Надсмотрщики ходили вдоль шеренги, оглаживая плети.

«Рот закрыть! Голову выше, мразь! Тебя покупать будут, а не дерьмо копать!»

Покупатели начали подходить. Разные. Богатые купцы в бархате, с презрением разглядывающие «живой товар». Офицеры городской стражи, ищущие пушечное мясо. И... аристократы? Лёха видел пару человек в дорогих, хоть и слегка поношенных плащах, с холодными, надменными лицами. Они почти не смотрели на рабов, разговаривая между собой.

Один из них, мужчина средних лет с лицом бухгалтера и жесткими глазами, остановился напротив Лёхи. Управляющий. Лёха почувствовал это инстинктивно.

«Ну-ка, повернись», – буркнул надсмотрщик, толкая Лёху в спину.

Управляющий – его звали Грот, как Лёха позже узнал – осматривал его, как лошадь на конюшне. Без тени человеческого интереса.

«Открыть пасть», – приказал Грот. Надсмотрщик грубо

схватил Лёху за челюсть. «Зубы целы. Не старый. Кости крепкие, судя по плечам. Руки».

Он схватил руку Лёхи, ощупал ладонь и пальцы. Лёха едва сдержал рык ярости. Унижение жгло, как раскаленное железо.

«Руки мягкие. Не крестьянствовал», – констатировал Грот. – «Что умеешь?»

Лёха молчал, глотая ком ярости. Что он умел? Работать на конвейере? Лазить по соцсетям? Здесь это было равноценно умению дышать.

«Глухонемой? Или просто тупой?» – усмехнулся надсмотрщик, толкнув его снова.

«Говорить умею», – выдавил Лёха сквозь зубы. Голос был хриплым, чужим. Грот слегка удивился, но кивнул.

«Сила есть? Выносливость?»

«Есть», – пробормотал Лёха. Лгать не было смысла. Проверят быстро и болезненно.

Грот кивнул надсмотрщику. Тот внезапно с силой ткнул Лёхе пальцем под ребра. Боль пронзила, Лёха согнулся, но удержался на ногах, только глухо застонав.

«Реагирует. Не валится. Ладно», – решил Грот. Он поторговался с надсмотрщиком пару минут – цифры были смехотворны, меньше стоимости хорошего ножа. Лёху снова почувствовал себя вещью. Дешевой вещью. Грот бросил несколько мелких монет надсмотрщику, кивнул: «Этот. С ним».

Цепи с ног сняли, заменив на более короткие, связывающие руки за спиной. Шею охватил новый, грубый ошейник с кольцом, к которому пристегнули веревку. Поводок. Как собаку.

«Пошел, скотина!» – дернул веревку один из сопровождающих Грота, здоровенный детина с тупым лицом и дубиной.

Дорога к поместью Даркелей была долгой и унылой. Они шли пешком, Грот ехал в убогой повозке. Ландшафт угнетал. Холмы, покрытые чахлым, серым кустарником. Поля, больше похожие на болота, с редкими жалкими всходами. Деревни – скопления покосившихся хижин под соломенными крышами, откуда на них смотрели пустые, голодные глаза. Нищета и запустение витали в воздухе, густея с каждым шагом. Даже небо здесь казалось ниже и грязнее.

Лёха шагал автоматически, цепь на руках натирала запястья до крови. Мысли путались. Где он? Как попал сюда? Почему? Шанс вернуться? Ответа не было. Только холод, грязь, боль и всепоглощающее чувство ловушки. Он был рабом. Собственностью. Вещью. В этом аду.

К вечеру они добрались. Поместье Даркелей предстало во всей своей убогой «славе». Невысокая, обветшалая каменная стена с покосившимися зубцами. За ней – поля, не лучше тех, что видел по дороге. И замок. Точнее, то, что когда-то было замком. Небольшое, мрачное строение из темного камня, с башнями, одна из которых явно обвалилась и была заделана кое-как. Окна зияли пустотой или были заби-

ты досками. Лишь в нескольких виднелся тусклый свет. От всего веяло безнадежностью и упадком. Графство Даркель явно было на последнем издыхании.

Ворота открыли с скрипом. Их встретили другие рабы – такие же изможденные, в грязных лохмотьях, с пустыми глазами. Грот отдал краткие распоряжения, указывая на Лёху: «Нового привез. В общий барак. Кормить по нижней норме. Работа – с завтрашнего утра».

Лёху толкнули вперед, к низкому, длинному, уродливому строению из камня и глимы – рабским казармам. Вонь немых тел, плесени и отчаяния ударила в нос. Он машинально поднял голову, бросая последний взгляд на замок, это жалкое воплощение чужой власти над ним.

И в одном из высоких, узких окон, едва освещенном изнутри, он увидел ее.

Женщину. Молодую. Силуэт был строгим, даже в полутьме угадывались прямая спина, высоко поднятая голова. Свет из комнаты падал на ее лицо. Холодное. Невероятно красивое, но словно высеченное из льда. Высокие скулы, прямой нос, тонкие губы. И глаза. Даже с такого расстояния Лёха почувствовал их взгляд. Не любопытство, не жалость. Оценку. Холодную, отстраненную оценку нового инструмента, нового куска говорящего мяса, пригнанного в ее нищее имение.

Это была Элина фон Даркель. Сестра графа. Существо из другого мира, мира господ, недостижимая, как звезда. И

в этот миг, сквозь грязь, боль и унижение, в Лёхе, помимо ужаса и ярости, шевельнулось что-то новое. Острый, колючий, запретный интерес. Зерно одержимости, упавшее в благодатную почву отчаяния.

Затем окно опустело. Свет погас. А Лёху грубо толкнули в зев темного, вонючего барака, в его новую реальность. Реальность раба. Первый день в Астраэле подошел к концу. Ад только начинался.

Глава 2: Ярмо Даркелей

Лязг тяжелого засова, вонзившегося в скобы снаружи, отозвался в Лёхиной груди глухим ударом. Не просто заперли. Замуровали. В темноте, густой и вязкой, как деготь, смешанной с запахами, от которых свело желудок: немытые тела, плесень, моча, гниющая солома и глубокая, вьёвшаяся в стены безнадега. Барак. Его новый дом.

Его толкнули в спину, и он едва удержался, спотыкаясь о что-то мягкое и издавшее стон. Внутри было чуть светлее – тусклый отсвет факела или масляной лампы пробивался из дальнего угла, выхватывая из мрака жалкие очертания. Нары в три яруса вдоль стен, больше похожие на полки для дров, заваленные темными комьями – спящими или просто недвижимыми телами. Посередине – грязный проход, залитый той же липкой жижей, что была и снаружи.

«Добро пожаловать в ад, новенький,» – хрипло прозвучал голос справа. Лёха повернул голову. На нижних нарах, прислонившись к стене, сидел старик. Лицо – паутина морщин, впалые щеки, глаза мутные, но не пустые. В них тлел крошечный уголек какого-то старого, изношенного цинизма. Он был одет в лохмотья, не лучше Лёхиных, но на шее – такой же грубый железный ошейник. «Место свободно. Там, в углу. Рядом с крысами, они тебя согреют.» Старик махнул рукой в сторону глубокой тени, откуда действительно доноси-

лось шуршание и писк.

Лёха молча двинулся туда, цепь на руках звякнула. Ноги подкашивались от усталости и шока. Указанное «место» – это просто грязный угол, устланный тонким слоем прелой соломы, от которой пахло плесенью. Он рухнул на нее, прильнув спиной к холодному, влажному камню. Боль во всем теле накрыла волной. Скованные за спиной руки неме-ли. Голова гудела.

«Марк меня звать,» – продолжил старик, не глядя на него, будто разговаривал сам с собой. «Тридцать зим тут тяну. А тебя?»

«Лёха,» – выдавил он. Голос все еще был чужим, с хрипотцой.

«Лёха...» – Марк повторил, будто пробуя на вкус. «Звучит... нездешне. С какого края прибило?»

«Далекий,» – буркнул Лёха, закрывая глаза. Мысль объяснить «откуда» казалась не просто бессмысленной, но и опасной.

«Все тут далекие,» – усмехнулся Марк. Звук был похож на скрип ржавых петель. «Кому повезло – с соседнего графства. Кому не повезло – с южных рудников или с полей Великой Чумы. А теперь вот ты. Покупатель – Грот, управитель нашего милого графства Даркель. Значит, и тебе не повезло. Даркели...» Он плюнул в грязь у своих ног. «Дыра. Последняя дыра перед вечностью.»

Лёха открыл глаза. «Граф?»

«Артурчик наш,» – язвительно протянул Марк. «Дитя неразумное. Лет двадцать ему, небось. Батька его, старый граф, говорят, дышит на ладан где-то в столице, а то и вовсе помер. Оставил сынку разоренное гнездо да кучу долгов. Поговаривают, даже дань Темному вовремя платить не могут. Вот и бедствуют. А мы – бедствуем вместе.» Он кашлянул, долгим, надсадным кашлем. «Грот тут царь и бог. Он и дань выбивает, и рабами рулит. Живодер, но умный живодер. Ты ему не перечь, новенький. Сожрет.»

Дверь снова лязгнула. В барак вошел тот самый туповатый детина, что тащил Лёху на веревке. За ним – тщедушный паренек с ведром и черствыми лепешками в руках. Детина – Борк, как окликнул его кто-то с нар – с силой поставил на пол деревянную бадью с мутной жидкостью. Паренек молча начал бросать лепешки на пол в грязь, возле бадьи.

«Жрать!» – рявкнул Борк. – «Быстро! Утро рано наступает!»

Рабы, словно тени, стали сползать с нар. Ни толчеи, ни давки. Какая-то мертвая, вымученная дисциплина отчаяния. Они молча подходили, хватали лепешку, макали ее в мутную похлебку в бадье (Лёха разглядел плавающие желтые жировки и обрывки неизвестных корней) и отползали в свои углы, жадно, но беззвучно жуя.

Марк толкнул Лёху локтем. «Иди. Пропустят разок, но завтра не видать пайки, если не успеешь.»

Лёха с трудом поднялся. Цепи мешали. Он подошел к ба-

дь. Вонь от похлебки была тошнотворной. Лепешки лежали прямо в грязи. Голод, зверский, сводящий желудок спазмом, пересилил отвращение. Он схватил одну, сунул уголок в похлебку и откусил. Жестко. Пресно. С привкусом земли и плесени. Он заставил себя проглотить. Затем еще кусок. Еда. Топливо для раба.

Пока он жевал, стоя у бадьи, он почувствовал на себе взгляд. Не грубый, как у Борка, а... осторожный. Женский. Он поднял глаза. У дальней стены, возле слабого источника света – коптящей масляной плошки – стояла девушка. Лет восемнадцати. Лицо бледное, изможденное, но с правильными чертами, которые могли бы быть милыми, если бы не синяк под глазом и не пустота в больших серых глазах. Густые, темные волосы были неопрятно собраны. На ней – чуть менее рваная, но все равно грубая холщовая рубаха. И ошейник. Она быстро отвела взгляд, когда их глаза встретились, и потупилась, взяв свою лепешку.

«Лиза,» – шепнул Марк, подойдя к Лёхе с лепешкой в руке. Он заметил его взгляд. «Служанка. Моет полы в господском доме. Иногда моет и Грота. Не заглядывайся, новенький. Она Гроту понравилась. Он ее... посещает. Когда захочет.» В голосе старика не было ни сочувствия, ни злорадства. Констатация факта. Как о погоде.

Лёха посмотрел на синяк под глазом Лизы. На ее сторбленные плечи. Что-то холодное и тяжелое опустилось ему в живот. Не жалость. Скорее, понимание. Понимание правил

этой скотобойни. Лиза была просто чуть более ценной скотиной. И доступной. Мысль мелькнула грязно и цинично, рожденная голодом, унижением и адреналином: А чем я лучше? И мне надо выживать.

Борк забрал пустое ведро и удалился, снова задвинув тяжелый засов. В бараке воцарилась тишина, нарушаемая только чавканьем, редким кашлем и писком крыс. Лёха вернулся в свой угол. Холод от камня проникал сквозь тонкую ткань рубища. Он съел лепешку до крошки, слизал грязь с пальцев. Голод притупился, но не исчез. На смену ему пришла ледяная ярость. Беспомощная пока что.

«Завтра,» – сказал Марк из темноты, словно читая его мысли. «Завтра увидишь все своими глазами. И почувствуешь на своей шкуре. У Даркелей земли мало, но дерьма – навалом. И тебе его разгрести.»

Утро пришло резко, с грохотом засова и грубым ревом Борка: «Подъем, падаль! На работу!»

Сон, если это был сон, оказался коротким и тревожным. Лёха встал, чувствуя, как каждое движение отзывается болью в мышцах и натертых цепью запястьях. Рабов выгнали во двор. Воздух был холодным, сырым, небо – все тем же свинцово-серым. Грот уже стоял там, засунув руки в кармасы своего поношенного камзола, лицо каменное. Рядом – несколько надсмотрщиков с плетями, включая Борка.

«Новый!» – Грот кивнул на Лёху. – «Тебе – ямы. С Кривым. Он покажет. Остальные – по плану. Быстро!»

«Кривой» оказался хмурым мужиком лет сорока, с действительно перекошенным от старого шрама лицом и пустым взглядом. Он молча кивнул Лёхе и пошел к сараю, откуда вытащил две лопаты с обломанными черенками. Одну сунул Лёхе.

«За мной,» – буркнул он хрипло.

Они вышли за ворота поместья, к краю поля, которое больше напоминало болото. Там, в стороне от жалких всходов, зияли несколько глубоких ям. Вонь ударила в нос еще сильнее, чем в бараке. Тухлятина, экскременты, разложение.

«Выгребные,» – пояснил Кривой без эмоций, указывая лопатой на ямы. – «Из замка, из кухни, из казарм надсмотрщиков. Все сюда. Надо вычерпать, оттащить подальше в овраг, засыпать. Берегись, провалишься – не вылезешь. И не дыши глубоко, а то сдохнешь.»

Работа была адской. Густая, липкая масса, кишущая червями и личинками, цеплялась за лопату, не желая отставать. Каждое движение требовало нечеловеческих усилий. Вонь пропитывала одежду, кожу, волосы, лезла в нос и рот, вызывая постоянные позывы к рвоте. Лёха копал, вычерпывал, таскал тяжелые корыта с дерьмом к краю оврага. Пот заливал глаза, смешиваясь с грязью. Руки, и без того израненные цепями, покрывались волдырями. Кривой работал молча, методично, как автомат, лишь изредка бросая на Лёху безучастный взгляд. Надсмотрщик с плетью лениво наблюдал за ними с пригорка.

К полудню Лёха едва стоял на ногах. Казалось, он провалился в эту яму по горло. Грязь стала его второй кожей, вонь – воздухом. Он с ненавистью смотрел на замок Даркелей, жалкую каменную коробку, извергавшую эту мерзость. И снова, как вчера, его взгляд нашел то узкое окно. Оно было пустым.

«Перерыв!» – крикнул надсмотрщик. – «На воду!»

У колодца во дворе поместья собрались другие рабы. Лиза была там, набирая воду в ведра. Она украдкой взглянула на Лёху, покрытого слоем нечистот, и быстро отвела глаза. Надсмотрщики раздавали черствые корки хлеба и черпаки мутной воды из общего ведра. Лёха жадно проглотил свою порцию, запивая тепловатой, пахнувшей железом водой. Он сидел на корточках у стены, пытаясь отдышаться, когда во двор вышел он.

Молодой человек. Лет девятнадцати-двадцати. Одет в темно-синий, местами вытертый камзол, слишком широкий на его худощавом теле, и черные брюки, заправленные в сапоги, которые явно требовали починки. Лицо... Ничего героического. Никакой силы. Черты приятные, даже мягкие, но бледные, с тенью неуверенности или усталости вокруг глаз. Темные волосы были небрежно откинuty со лба. Он нервно теребил перчатку, которую держал в руке. Это был Артур фон Даркель. Граф. Владелец всего этого запустения. И Лёхи.

Артур оглядел двор. Его взгляд скользнул по рабам, как

по мебели, без интереса. Он что-то сказал Гроту, подошедшему к нему с низким поклоном, но слишком тихо, чтобы расслышать. Грот кивал, указывая куда-то рукой. Артур слушал, но его взгляд блуждал, будто он думал о чем-то другом. О чем мог думать этот мальчишка? О долгах? О столичных балах, на которых ему не место? О том, как он не справляется?

И вдруг Артур посмотрел прямо на группу рабов у колодца. Его взгляд на мгновение задержался на Лёхе. Возможно, привлекла его новая, чуть менее изможденная фигура, или просто слой свежей грязи. Лёха не отвел глаз. Он смотрел на этого юношу, который был его хозяином, его богом в этом крошечном аду. И в глазах Лёхи не было страха. Была холодная оценка. И презрение. Глубокое, жгучее презрение к этой слабости, облаченной в бархат.

Артур, поймав этот взгляд, смутился. Он резко отвел глаза, будто его укололи. Его бледные щеки слегка окрасились румянцем – от гнева? От стыда? Он что-то резко сказал Гроту, голос его на мгновение сорвался в более высокий регистр. Затем он резко развернулся и почти побежал обратно к дверям замка, поправляя неудобный камзол.

«Ну что, новенький, понравился наш милый графчик?» – прошипел Марк, сидевший рядом. Он видел этот взгляд. «Птенчик неоперившийся. Боится собственной тени. И нас, падаль, боится. Вот Грот его и держит. А Грот... Грот знает, как с нами обращаться.»

Грот подошел к ним, его каменное лицо было непроницаемо, но в глазах светился холодный огонек. Он остановился перед Лёхой.

«Граф обратил на тебя внимание, мразь,» – произнес он тихо, но так, что слышали ближайšie рабы. – «Не понравилось ему, как ты смотришь. Запомни: здесь ты – грязь под ногами. Даже думать о господах – дерзость. А уж смотреть...» Он не закончил. Его рука мелькнула. Плеть с короткой рукоятью и свинцовым набалдашником на конце ударила Лёху по плечу. Боль, острая и жгучая, пронзила тело. Лёха стиснул зубы, чтобы не вскрикнуть. «Вот тебе урок вежливости. На работу! Быстро!»

Боль горела на плече, смешиваясь с болью в руках, в спине, с унижением. Лёха поднялся. Он поднял взгляд на окно. На ее окно. Оно было по-прежнему пустым. Элина. Холодная, недостижимая, как ледяная статуя. Она была частью этого мира господ. Частью системы, которая превратила его в говночерпателя. Но почему-то мысль о ней не вызывала такого же яростного презрения, как вид ее брата. Наоборот. Она была вызовом. Целью. Абсурдной, невозможной, но единственной искрой в этом мраке, которая не была связана с болью, грязью или голодом. Искрой, которую хотелось схватить, даже если она обожжет дотла.

Он взял лопату и пошел за Кривым обратно к ямам. Ярмо Даркелей легло на его шею тяжелее железного ошейника. Но где-то в глубине, под слоем грязи и ярости, зрело решение.

Он не сломается. Как эти другие. Он выживет. А потом... Потом он разберется и с Гротом, и с мальчишкой-графом. И доберется до ледяной принцессы в ее ветхом замке. Любой ценой.

Глава 3: Грязь Подножия

Время в поместье Даркелей текло, как густая, зараженная грязь из выгребных ям – медленно, липко и отравляюще. Дни сливались в однообразный кошмар. Рассвет – грубый окрик Борка, ледяная вода из колодца, чтобы смыть с лица хотя бы верхний слой грязи, черствая пайка хлеба, пропитанная запахом невымытых рук и отчаяния. Затем – работа. Бесконечная, калечащая душу работа.

Лёху редко возвращали к ямам после первого дня. Грот, словно испытывая его, бросал на разные задания: таскать камни для полуразрушенной ограды, копать канавы на болотистом поле, где вода сочилась в сапоги, превращая ноги в мокрую, зудящую массу, чистить конюшни, где вонь аммиака резала глаза, а здоровенные кони норовили лягнуть или укусить. Надсмотрщики с плетями были неотъемлемой частью пейзажа. Удары сыпались за малейшую провинность: замешкался, споткнулся, не так посмотрел. Плеть Грота с свинцовым набалдашником оставила на плече Лёхи багрово-синюю полосу, которая ныла при каждом движении.

Казарма стала его ночным адом. Холод проникал сквозь тонкую солому. Крысы бегали по ногам, их писк и шуршание сливались с храпом, кашлем и стонами рабов. Марк, его сосед по нарам внизу, стал его циничным гидом по этому аду.

«Видишь вон того?» – кивнул Марк однажды вечером на

костлявого, вечно дрожащего мужчину в углу. – «Славик. Был конюхом у прежнего графа. Поймали, как воровал овес для больной дочери. Дочь сгинула в лихорадке, ему руки на наковальне раздробили. Теперь таскает воду. До первой зимы не протянет.»

«А та?» – Лёха едва заметно кивнул на женщину лет сорока с пустым взглядом, беззвучно шевелящую губами в темноте.

«Марта. Из деревни. Муж ее на охоте графской подстрелил – спутали с кабаном. Ее с детьми сюда. Дети... не выжили. Она – вот. Ни ума, ни памяти. Место занимает.» Марк сплюнул. «Таких тут много. Гнилье. Скоро и мы...»

Лёха молчал. Его собственная ярость, поначалу кипящая, начала трансформироваться. Не гаснуть, нет. Она затвердела, как грязь на сапогах, превращаясь в холодную, расчетливую решимость. Выжить. Выжить любой ценой. И чтобы выжить здесь, нужно было стать частью этой гнили? Нет. Нужно было стать сильнее гнили. Использовать ее. Он наблюдал. За надсмотрщиками. За Гротом. За редкими появлениями Артура. За тем, как другие рабы боролись за крохи.

И за Лизой. Она была слабым огоньком в этом мраке. Не надежды – просто напоминанием, что кроме грязи и боли, есть что-то еще. Женское. Доступное? Мысль приходила все чаще, особенно по ночам, когда холод и отчаяние грызли изнутри. Она прислуживала в доме, поэтому была чуть чище других, ее холщовая рубаха менее рваная. Иногда, когда

она несла ведра мимо, Лёха ловил ее украдкой брошенный взгляд. Не приглашающий. Скорее, испуганно-сочувствующий. И всегда – синяк под глазом не успевал зажить, как появлялся новый. Грот. Мысль о том, что этот жирный, жестокий управитель имеет право трогать ее, вызывала в Лёхе приступ слепой ярости. Но ярость была бесполезна. Пока.

Однажды вечером, возвращаясь с поля, промокший до костей под холодным дождем, Лёха увидел сцену у колодца. Грот, краснолицый, явно выпивший, держал Лизу за руку. Она пыталась вырваться, лицо искажено страхом.

«...сказала, нечистое ведро?!» – рычал Грот. – «Я тебя, стерва, научу чистоту соблюдать!»

Он занес руку для пощечины. Лиза зажмурилась. В этот момент ее взгляд метнулся в сторону, встретившись с глазами Лёхи. В нем был немой ужас, мольба. Лёха остановился, сжав кулаки так, что ногти впились в ладони. Он видел лица других рабов – потупленные, безразличные. Они знали: вмещаться – значит получить плетей или отправиться в яму навсегда. Марк схватил его за локоть, резко дернув назад.

«Не дури,» – прошипел он. – «Сдохнешь зря. Она – его игрушка.»

Лёха замер. Ярость клокотала в нем, требуя действия. Но холодный расчет, выкованный неделями рабства, был сильнее. Он опустил взгляд. В этот момент раздался хлопок пощечины. Лиза вскрикнула и упала на колени, прижимая руку к щеке. Грот что-то буркнул, плюнул ей под ноги и пошел

прочь.

Лёха не стал смотреть, как Лиза, всхлипывая, поднимается. Он пошел в барак, чувствуя вкус горечи и собственного бессилия на языке. Выжить. Стать сильнее. Запомни, – шептал ему внутренний голос, звучащий все циничнее. Запомни эту боль. И отплати потом. Сторицей.

Единственным спасением, кроме животного сна, была еда. Вернее, ее жалкое подобие. Пайка. Кусок черствого хлеба размером с кулак утром и вечером, да похлебка, в которой плавало что-то неопознаваемое, в обед. Этого едва хватало, чтобы не умереть, но не чтобы насытиться. Голод был постоянным спутником, зверем, грызущим изнутри, затуманивающим мысли, делающим каждый день пыткой.

Именно голод привел к переломному моменту.

Был холодный, промозглый день. Дождь перешел в мокрый снег, превращая двор поместья в ледяное месиво. Рабы вернулись с поля раньше – земля замерзла. Борк, злой от холода и скуки, небрежно бросил вечерние пайки на грязный пол казармы возле бадьи с водой. Хлеб. Не черствый сегодня, а почти свежий, чуть крупнее обычного. Видимо, пекарь ошибся в расчетах.

Глаза десятка голодных людей сразу устремились к нему. В воздухе повисло напряжение, густое, как смрад от выгребных ям. Обычно пайки раздавали, сегодня их бросили в кучу. Свободный рынок рабского ада.

Первым прыгнул Славик, тот самый бывший конюх с раз-

дробленными руками. Он упал на колени, пытаясь схватить два хлеба сразу своими искалеченными культиями. Но его отшвырнул здоровенный детина, один из тех, кто таскал камни. Мужчина по прозвищу Глыба.

«Отойди, калека!» – рывкнул он, хватая три хлеба. – «Мне мало!»

Это было искрой. Голод и отчаяние взорвались. Кто-то бросился на Глыбу, пытаясь вырвать хлеб. Тот оглушительно ударил обидчика кулаком в висок. Тот рухнул. Но это не остановило остальных. В драку ввязались еще несколько человек. Крики, проклятия, хруст костей, чавканье грязи под телами. Это был хаос, звериная схватка за кусок хлеба.

Лёха стоял в стороне, наблюдая, как его кровь стыла в жилах от холода, а зверь внутри рычал от голода. Он видел, как Марк, ловко увернувшись от толкотни, схватил один хлеб и юркнул в тень. Увидел, как Лиза, прижавшись к стене, с ужасом смотрела на бойню, не решаясь подойти. Увидел, как Глыба, отбиваясь кулаками, запихивал один хлеб за пазуху, роняя другой.

И этот упавший хлеб покотился по грязи... прямо к ногам Лёхи.

Время замедлилось. Он видел, как к хлебу тянутся чужие руки – костлявая рука Славика, чья-то грязная ладонь. Зверь внутри взревел. Голод, недели унижений, боль от плети, образ Лизы с синяком под глазом, холодный взгляд Элины из окна – все это слилось в одну белую вспышку ярости.

Лёха двинулся. Не раздумывая. Как пружина, сжатая до предела. Он не просто схватил хлеб. Он наступил на руку Славика, тянущуюся к нему, услышав хруст хрупких костей. Старик взвыл. Лёха рванул хлеб к себе и одновременно локтем со всей силы ударил в горло другого претендента – тщедушного парня, который чистил конюшни. Тот захрипел, схватившись за шею, и рухнул, давась.

Глыба, заметив нового соперника, рыкнул и бросился на Лёху, размахивая кулачищем. Лёха не отступил. Голод придал ему адреналиновой силы, ярость – ловкости. Он пригнулся под удар, почувствовав свист ветра у виска, и всадил свой кулак, зажатый вокруг хлеба, Глыбе прямо в солнечное сплетение. Тот ахнул, согнувшись пополам. Лёха не остановился. Он поднял колено, бьющее вниз, в лицо согнувшегося гиганта. Раздался отвратительный хруст носа. Глыба рухнул навзничь в грязь, хлюпая кровью.

Тишина. Гнетущая, звенящая. Драка стихла так же внезапно, как и началась. Все замерли, уставившись на Лёху. Он стоял над поверженным Глыбой, сжимая в одной руке драгоценный хлеб. Его грудь вздымалась, из разбитой в драке губы текла кровь, смешиваясь с грязью на подбородке. Его глаза... В них не было триумфа. Там горел холодный, звериный огонь. Огонь выжившего любой ценой. Он медленно обвел взглядом остальных рабов. Взгляд скользнул по Славику, скулящему на полу, по хрипящему парню, по испуганным лицам. Никто не двинулся с места. Никто не посмел да-

же посмотреть ему в глаза. Страх. Чистый, животный страх витал в воздухе теперь. Но это был страх перед ним.

Лёха медленно поднес хлеб ко рту. Откусил. Жевал. Не сводя холодного взгляда с толпы. Он проглотил. Откусил еще. Хлеб был теплым, влажным от грязи, но на вкус – амброзией. Он чувствовал, как сила возвращается в тело. Сила победителя.

В этот момент дверь барака распахнулась. На пороге, закутанный в темный плащ, стоял Артур фон Даркель. Его лицо было бледным, глаза широко раскрытыми от шока. За ним маячила фигура Грота, чье каменное лицо выражало лишь привычное презрение.

Граф, видимо, услышал шум драки и решил проверить. Его взгляд скользнул по лежащим в грязи телам, по перекошенным от страха лицам рабов... и остановился на Лёхе. На его разбитом лице, на крови, на грязи... и на куске хлеба в его руке. На его глазах, в которых еще не погас дикий огонь только что отгремевшей схватки.

Артур замер. Он не видел самой драки, но сцена говорила сама за себя. Один стоит. Остальные – повержены или в страхе. И этот один... этот новый раб, который уже раз посмотрел на него с непозволительной дерзостью...

«Что... что здесь происходит?» – голос Артура дрогнул, выдавая его страх и растерянность.

Грот шагнул вперед. «Бунт, милорд. Мелкий. Рабы подрались из-за пайки. Этот,» – он кивнул на Лёху, – «видимо,

оказался проворней. Или злее.»

Артур не отвечал. Он смотрел на Лёху. И Лёха смотрел на него. Не опустив глаз. Кровь стекала по его подбородку. Он откусил еще кусок хлеба. Медленно. Вызывающе.

«Он... он весь в крови,» – пробормотал Артур.

«Выживет, милорд,» – равнодушно ответил Грот. – «Крепкий экземпляр. Зря мы за него так мало отдали. Животное, но сильное животное. Полезное.»

Артур сглотнул. Его взгляд снова встретился с горящими глазами Лёхи. На этот раз в глазах графа мелькнуло не только смущение, но и... любопытство? Смешанное со страхом. Страхом перед этой дикой, неконтролируемой силой, стоящей перед ним в грязи и крови.

«Уберите... уберите это,» – Артур махнул рукой в сторону лежащих тел. – «И... накажите зачинщиков.» Он бросил последний взгляд на Лёху, быстро отвел глаза и, кутаясь в плащ, поспешил выйти из барака, словно бежал от чумы.

Грот остался. Его холодные глаза изучали Лёху.

«Сильно дерешься для новенького,» – произнес он без интонации. – «И глаза дерзишь. Граф обратил внимание. Дважды. Это опасно.» Он помолчал. «Или полезно. Зависит от тебя.» Он повернулся к надсмотрщикам. «Унести калек в лазарет. Если умрут – в яму. Остальных – по местам. А этого,» – он кивнул на Лёху, – «завтра ко мне. Найду применение твоей... прыти.»

Грот ушел. Рабы молча разошлись, унося раненых. Лёха

стоял, доедая хлеб. Кровь на губах была соленой. Он чувствовал на себе взгляды – страх, ненависть, скрытое любопытство. Марк подошел ближе.

«Ну, новенький... или уже не новенький,» – старик кашлянул. – «Теперь ты или на дно пойдешь быстрее всех... или выплывешь. Грот любит сильных псин. Но долго они у него не живут. Или становятся такими же, как он.» Он посмотрел на Лёху. «А глаза у тебя... как у зверя загнанного. Опасные глаза.»

Лёха промолчал. Он подошел к ведру с водой, зачерпнул пригоршню, смыл кровь с лица. Боль в скуле и разбитой губе была ничтожной по сравнению с чувством, которое его переполняло. Он победил. Он отстоял свой кусок. Он заставил бояться. И граф... этот мальчишка-граф... увидел это.

Он поднял голову, инстинктивно глянув вверх, на то самое узкое окно в замке. Оно было освещено. И в нем, едва различимая в сумерках, стояла фигура. Элина. Она смотрела вниз, во двор, на барак. Прямо на него. Расстояние было большим, но Лёхе показалось... нет, он увидел, как уголки ее губ, обычно таких холодных и строгих, дрогнули. Не в улыбке. Никогда. Но в чем-то... похожем. В тени одобрения? В отсвете интереса к только что зажженному пламени жестокости? Он не знал. Но в этот миг его звериная ярость, его готовность пачкать руки в грязи и крови ради куска хлеба – все это обрело новый смысл. Новую цель.

Он сжал кулаки. Грязь подножия была его стихией. Но

он больше не собирался просто барахтаться в ней. Он начал строить свою лестницу вверх. Из грязи, крови и сломанных костей. И первая ступенька была проложена сегодня.

Глава 4: Случайная Опора

Следующие дни после бойни за хлеб висели в бараке тяжелым, зловещим облаком. Страх перед Лёхой был осязаем. Рабы сторонились его, отводили взгляды, шарахались в сторону, когда он проходил. Даже Глыба, с забинтованным расплюснутым носом и парой выбитых зубов, смотрел на него исподлобья, с ненавистью, смешанной с осторожностью. Марк был единственным, кто осмеливался разговаривать, но и в его голосе теперь звучали нотки отстраненного уважения и предостережения.

«Грот не зря тебя позвал,» – говорил он, пока они чистили заледеневший навоз в конюшне. Лёхе дали эту работу – тяжелую, но не самую смертельную. Видимо, Грот берег «полезное животное». «Он тебя пробует. Как щенка на бойцовскую яму. Сильный – пригодится. Слабый – сдохнешь. И не думай, что он тебе друг. У Грота друзей нет. Есть инструменты.»

Лёха молча скреб лопатой. Его разбитая губа заживала, синяк под глазом желтел. Физическая боль была ничто. Гораздо острее горело унижение от осознания, что он стал частью этой системы выживания, где сила – единственная валюта, а мораль – роскошь для мертвых. Но была и другая мысль, холодная и цепкая: Я выжил. Я победил. И меня заметили. Он ловил украдкой взгляды надсмотрщиков – теперь

в них было не просто презрение, а оценка. И самое главное – его заметил граф. И она.

Мысль об Элине, о ее возможном, едва уловимом интересе к его дикой победе, была как глоток крепкого спирта – жгла, дурманила, придавала сил. Он ловил себя на том, что чаще смотрит на замок, на то окно. Оно редко было освещено днем, но каждый раз, когда в нем мелькало движение, его сердце билось чаще.

Наконец, пришел день «проверки». Борк, все так же тупо-злой, явился в барак утром, сразу после скудного завтрака.

«Ты!» – он ткнул пальцем в Лёху. – «С тобой Грот говорить будет. Пошли.»

Сердце Лёхи екнуло, но он поднялся спокойно, стараясь не показывать ни страха, ни надежды. Марк бросил на него быстрый взгляд: Осторожно.

Дорога к господскому дому была короткой, но Лёха прошел ее, как по лезвию ножа. Он вновь увидел замок вблизи – обшарпанные стены, облупившуюся штукатурку, ветхие ставни. Признаки бывшего величия утонули в нищете и запустении. У черного входа, ведущего, видимо, в кухни и служебные помещения, их ждал Грот. Его лицо было непроницаемо.

«Вот он,» – буркнул Борк.

Грот кивнул. «Жди здесь.» Он внимательно оглядел Лёху с ног до головы. Грязь, пропахшая навозом и потом, рваная

одежда, сапоги, покрытые коркой замерзшей жижи. «В таком виде к графу не пустят. Да и в дом... Сними цепи.»

Борк, ухмыльнувшись, достал ключ и отстегнул наручники. Лёха потер натертые запястья, ощущая непривычную легкость, но не свободу. Ошейник оставался.

«Заходи,» – Грот махнул рукой в сторону низкой двери. Внутри пахло дымом, дешевым жиром и... чем-то более чистым, чем в казарме. Кухня. Большая, мрачная, с огромным очагом, где тлели угли. У стола, покрытого грубой тканью, сидела пожилая, дородная женщина – кухарка Агата. Она брезгливо сморщила нос при виде Лёхи.

«Фу, Грот! Зачем эту вонючку в дом?»

«Приказ графа, Агата,» – сухо ответил Грот. – «Ему надо предстать... презентабельно. Хотя бы отдаленно. Окати его. И дай что-нибудь менее вонючее надеть.»

Агата заворчала, но встала. «Ну, давай сюда, чумазый! К лоханке!»

В углу стояла большая деревянная кадка с холодной водой. Рядом – ковшик и кусок грубого серого мыла, пахнувшего щелоком.

«Раздевайся!» – скомандовала Агата, ставя лохань рядом. – «Быстро! Мне целый день тут возиться с тобой?»

Лёха замер. Раздеться? Здесь? Перед Гротом и этой бабой? Унижение, острое и жгучее, вонзилось в него. Он был рабом, вещью, но оголиться перед ними... Это было новым уровнем бесправия. Грот наблюдал за его реакцией, в глазах

– холодное любопытство.

«Ты слышал, мразь?» – рявкнула Агата. – «Скидавай тряпье! Или мыть будем в нем?»

Лёха стиснул зубы. Выжить. Любой ценой. Он стал снимать рваную рубаху. Грубая ткань прилипла к заживающим ссадинам на плече от плети Грота. Он сдернул ее, почувствовав, как струпья отрываются. Затем – штаны. Стоял посреди кухни, в ошейнике, покрытый грязью, синяками, следами побоев и недоедания, но все еще крепкий, с рельефом мышц, проступающим под слоем грязи. Он не опускал глаз, глядя куда-то в стену поверх головы Агаты. Жгучий стыд смешивался с яростью.

«Ишь, крепкий,» – проворчала Агата без тени смущения, окатывая его ледяной водой из ковша. Лёха вздрогнул, но не издал звука. Вода смывала грязь, обнажая синяки, старые шрамы и свежие ссадины. Агата взяла мыло и начала грубо тереть его тело, как коня на скотном дворе. Мыло щипало раны. Она прошла по его спине, животу, ногам, не стесняясь. Лёха стоял, сжав кулаки, стиснув зубы до хруста. Каждая прикосновение было оскорблением.

«Морду тоже,» – приказал Грот, наблюдавший за процедурой с мрачным удовлетворением.

Агата шлепнула мыльной тряпкой ему в лицо. Он зажмурился, чувствуя, как мыльная пена щиплет глаза и разбитую губу. Она терла его лицо, шею, за ушами с такой силой, словно хотела стереть кожу.

«Ладно, сойдет,» – наконец сказала она, окатив его последним ковшом ледяной воды. – «Вытрись.» Она бросила ему грубый, жесткий лоскут мешковины. «И одень это.» Она швырнула на пол кучу чистой, но грубой холщовой ткани – рубаху и штаны, явно с чужого плеча, но без дыр.

Лёха молча вытерся, чувствуя, как холод пронизывает до костей. Он натянул одежду. Она была просторной, но чистой. Отсутствие вони собственного тела и гнилых тряпок было странным, почти головокружительным ощущением. Но ошейник, холодный и тяжелый, напоминал о его сути.

«Теперь веди,» – приказал Грот. – «И запомни: одно неверное движение, одно неверное слово – и Борк сломает тебе ноги. Понял?»

Лёха кивнул. Грот повел его по узкому, темному коридору, в глубь дома. Запахи изменились. Вместо кухонной вони – запах старого дерева, воска и легкой затхлости. Стены были голыми камнями, кое-где обшарпанными. Ни картин, ни ковров. Бедность сквозила даже здесь.

И вдруг, из бокового проема, выплыла тень. Легкая, почти бесшумная. Элина.

Лёха замер, как вкопанный. Она была в простом платье темно-синего цвета, без украшений, но оно сидело на ней безупречно, подчеркивая стройный стан. Волосы были убраны в тугий узел, открывая высокую шею и безупречные черты лица. Она несла в руках несколько свитков пергамента. Ее шаг замедлился, когда она увидела Грота и... его. Ее хо-

лодные, серо-голубые глаза скользнули по Лёхе, по его чистым, но грубым одеждам, по его ошейнику, по его лицу, на котором еще виднелись следы побоев и недавней драки. В ее взгляде не было ни отвращения, ни удивления. Была лишь та же самая, леденящая оценка. Как в первый день. Как тогда, когда она смотрела из окна на его триумф в грязи.

Грот почтительно склонил голову. «Барышня.»

Элина не ответила на приветствие. Ее взгляд задержался на Лёхе на мгновение дольше, чем было необходимо. Казалось, она что-то ищет в его глазах. Что? Отголоски зверя? Признаки сломленности? Лёха не опустил взгляд. Он встретил ее холодные глаза своими – в которых все еще тлели угли недавней ярости и горел теперь новый огонь – вызова и... голода. Не пищевого. Голода по ней. По этой недостижимости.

Она ничего не сказала. Легкий, почти неуловимый кивок. Или ему показалось? Она прошла мимо, едва не коснувшись его плеча. Шлейф легкого, чуть горьковатого аромата – не духов, а скорее сушеных трав или пергамента – на мгновение окутал его. Затем она растворилась в полутьме коридора, как видение.

Лёха стоял, оглушенный этим мимолетным столкновением. Ее близость, ее запах, ее взгляд – все это ударило в него с силой кулака Глыбы. Но боль была иной. Сладостной и мучительной одновременно.

«Двигайся!» – прошипел Грот, толкнув его в спину. – «Граф ждет.»

Кабинет графа Артура фон Даркеля был таким же унылым, как и все вокруг. Небольшая комната с высоким узким окном, пропускавшим скупой свет. Стол, заваленный хаотичными стопками бумаг, пергаментов, счетов. Несколько стеллажей с полупустыми полками. Книги выглядели старыми и нечитанными. Пахло пылью, чернилами и... страхом.

Артур сидел за столом, обхватив голову руками. Он выглядел еще моложе и растеряннее, чем во дворе. Его пальцы нервно ворошили темные волосы. Перед ним лежали развернутые свитки с колонками цифр и печатями. Он даже не поднял голову, когда они вошли.

«Милорд,» – почтительно, но без тени подобострастия, произнес Грот. – «Привел того раба. О котором говорил.»

Артур вздрогнул, словно его разбудили. Он поднял голову. Его глаза были красноватыми от бессонницы или... слез? Он увидел Лёху, и в его взгляде мелькнуло что-то сложное: страх от воспоминания о его диком виде в бараке, смущение от ситуации, и... слабая искра надежды?

«Он... чистый?» – глупо спросил Артур.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.